

Р

АССКАЗЫВАЯ о своей работе над «Третьей патетической», Н. Погодин подчеркнул: «Когда еще, в 1938 году, когда писались «Куранты», я знал, что впоследствии непременно вернусь к ленинской теме».

В критической литературе принято считать, что после «Кремлевских курантов» новая встреча драматурга с образом Ленина произошла в 1958 году в пьесе «Третья патетическая». Но это не точно.

Годом раньше, в феврале 1957 года, кинорежиссер С. Юткевич, постановщик фильма «Рассказы о Ленине», обратился к Н. Погодину с предложением написать для этой картины киноновеллу с образом вождя революции. Драматург принял это предложение и вскоре в своей заявке на «Мосфильм» сообщил сюжет киноновеллы.

Следуя своей методологии работы над ленинской темой, драматург вновь обратился к самому Ленину, к его сочинениям, и находил там остро нужные сегодня мысли и чувства вождя.

12 апреля 1957 года Н. Погодин сдал на «Мосфильм» киноновеллу «Лишняя капля» («Листратов»). Она-то и являлась прелюдией к «Третьей патетической».

Дело в том, что в картину «Рассказы о Ленине»

Под заголовком «Погодин пишет Ленина» «Литературная Россия» уже публиковала воспоминания Алексея Волгаря о работе выдающегося советского драматурга над ленинской темой. Проработавший четверть века литературным секретарем Н. Ф. Погодина, автор этих воспоминаний непосредственно наблюдал процесс зарождения и осуществления его творческих замыслов. Сегодня А. Волгарь рассказывает о том, как Николай Федорович Погодин создавал заключительную часть своей замечательной трилогии о В. И. Ленине — пьесе «Третья патетическая».

«Третья» — это порядковый номер пьесы, а «патетическая» — ее содержание. Возьми, к примеру, Третью симфонию (Героическую) Бетховена. Это значит — третья симфония композитора по счету, а героическая — по содержанию... Хотелось снять трагическое ощущение смерти вождя ленинским бессмертием...»

Позднее драматург говорил, что тема ленинского бессмертия и составляет идейно-художественную основу заключительной части трилогии, которая возникла у него при общении с Н. К. Крупской.

«Когда писался «Человек с ружьем», — вспоминал он, — мне приходилось встречаться с Надеждой Константиновной. Я помню хорошо, как Надежда Константиновна рассказывала, какой кипучей, неиссякаемой энергией был полон Ленин, когда он был болен, несмотря на трагическую неизбежность смерти. Как он был стоик, предчувствуя ее. От этих воспоминаний у меня осталось ощущение не того, как умирал Ленин, а как он оставался бессмертным».

В «Третьей патетической» Н. Погодин развивает сделанные им открытия в образе В. И. Ленина, опираясь на своеобразие таланта Б. А. Смирнова, игрой которого он был покорен. Еще раньше драматург обещал актеру, который играл роль Ленина в новой редакции «Кремлевских курантов», продолжить с ним работу над образом вождя в своей новой пьесе.

«В «Кремлевских курантах», — писал Н. Погодин, — Смирнов показал такое понимание ленинской сущности, продемонстрировал такое глубокое проникновение в характер, что хотелось вместе с актером идти дальше, приподнимая все новые и новые пласты могучей, неисчерпаемой природы. Смирнов не играет роль Ленина, он создает образ Ленина. Причем образ этот воплощает передовую мысль России, самое радикальное, что вышло из Добролюбова, Чернышевского, Чехова, что отличало великую русскую интеллигенцию».

Как и в первых частях трилогии, драматург начал работу над «Третьей патетической» с ленинской сцены. Сцена «На заводе» была написана Погодиным в Цхалтубо на одном дыхании. Уже позднее, в Москве, он внес в нее много правки и попросил ее одну отдать на машинку.

Когда я вручил Николаю Федоровичу первый экземпляр перепечатанной сцены «На заводе», он тут же прочитал ее вслух и радостно сказал:

— На основе вышепрочитанного я могу смело заявить, что пьеса у меня получилась.

Потом, зачеркнув слова «На заводе», он надписал новый заголовок: «Прекрасное настроение».

В этой удивительно ярко написанной сцене была сюжетная завязка всей пьесы, ее патетический настрой. Погодин спешил с ее опубликованием и сразу же пере-

Работа над «Третьей патетической» спорилась, и спектакль успешно двигался к своему завершению. Драматург был очень доволен. Он писал: «Единственно, что, мне кажется, безусловно удалось театру — донести до зрителя ощущение ленинского бессмертия».

В протоколе репетиций от 6 ноября 1958 года было сказано: «Прошли всю пьесу».

Но тут на безоблачное небо спектакля вдруг набежали грозные тучи, и началась, как говорил в таких случаях Погодин, «трепка нервов».

На пьесу, которую он, не дождавшись мхатовского варианта, опубликовал в восьмом номере журнала «Театр» за 1958 год, начались нападки. Об этом в своих воспоминаниях рассказывает бывший директор МХАТа А. В. Солодовников:

«По поводу «Третьей патетической» появились письма с уничтожающей критикой пьесы, подписанные и тому же довольно известными людьми... Сейчас мне хочется упомянуть только о той части разговора, которая касалась названия. Я говорил о некоторой его загадочности, о том, что название может остаться непонятным зрителю. Погодин обещал подумать».

Во время следующей встречи он решительно заявил, что оставляет первоначальное название:

— Кто захочет понять, поймет... А об остальных (Погодин выразился резко) беспокоиться не будем».

«Третья патетическая». Сцена из спектакля. В роли В. И. Ленина — Б. А. СМОРНОВ.

АЛЕКСЕЙ ВОЛГАРЬ

ПОГОДИН ПИШЕТ ЛЕНИНА

эта киноновелла не вошла. Мне драматург говорил, что своей остротой она не соответствовала тональности двух других новелл. «Мне в кино не везет, — сказал тогда Николай Федорович. — Но из сценария «Ноябрь» я сделал пьесу «Человек с ружьем». Авось я и теперь на основе этой киноновеллы напишу третью ленинскую пьесу».

Мне вновь посчастливилось стать свидетелем рождения новой ленинской пьесы и воочию наблюдать творческую лабораторию писателя. Каждой пьесе драматурга всегда предшествовала тщательная разработка сюжета, которую Николай Федорович называл — «вычерчивание тематических узоров и линий». Белось это в своеобразной повествовательно-сценарной форме, вдруг переходившей в монологи и диалоги, которые в ходе дальнейшей работы нередко почти целиком входили в пьесу.

Пьеса на моих глазах стала обрастать материалом. Читая сочинения В. И. Ленина, драматург отмечал строки, которые потом превратятся у него в сценический монолог или диалог вождя.

Осенью 1957 года в Цхалтубо, где Погодину всегда хорошо работалось, он за месяц вчерне набросал свою новую ленинскую пьесу.

Вскоре после возвращения из Цхалтубо Николай Федорович показал мне два ученических блокнота для рисования, исписанных его своеобразной скорописью. На обложке альбома номер один, в середине, крупными буквами было выведено: «Третья патетическая», и помельче: «трагедийное представление», а совсем внизу, в скобках: «Ленинский цикл: «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая».

— Поздравляю. Теперь у вас три пьесы о Ленине.

— Поздравляй меня лучше с трилогией о Ленине.

— А почему вы не называете «Человека с ружьем» и «Кремлевские куранты» диалогией о Ленине?

Обстоятельно, примерно в таких словах ответил Николай Федорович на мой вопрос:

«Допустим, я написал бы «Лишнюю каплю» как пьесу, построенную на эпизоде из жизни Ленина в эпоху военного коммунизма. Была бы у меня трилогия? Нет. Тогда было бы три пьесы о Ленине, и только... Суть в том, что «Лишняя капля» против «Курантов» — это возврат во времени на пару лет. Таких пьес можно написать великое множество, если внимательно читать в биографию Ленина, которая состоит сплошь из эпизодов, полных драматизма».

В «Третьей патетической» я сделал все, чтобы увязать ее с предыдущими частями и объединить все три пьесы в единую трилогию о Ленине, которая хронологически заканчивается смертью вождя.

Конечно, было бы лучше, если бы трилогия была мною задумана в те далекие времена, когда я писал свою первую пьесу о Ленине...»

Большое значение Погодин придавал названию пьесы, стремясь выразить в нем не только идею произведения, но и его поэзию. Зная это, я попросил объяснить, почему он пользуется в своих заголовках музыкальной терминологией (ведь «Аристократы» тоже первоначально назывались «Человеческой рапсодией») и что означает «Третья патетическая». Он ответил:

дал эту сцену в «Правду», где 20 ноября 1957 года она была напечатана.

Получив газету, Николай Федорович тут же позвонил Б. А. Смирнову: «Борис, ты прочел в «Правде» отрывок из пьесы?.. В этой сцене я показываю прощание Ленина с рабочим классом».

Эта публикация была единственно законченным фрагментом. В остальном пьеса была только намечена, и поэтому почти перед каждой сценой на полях пьесы были вынесены задачи, которые ставил перед собой драматург. Приведу некоторые из них:

«К сцене в квартире Сестрорецких. Дятлов пришел проститься и решил, прощаясь, рассказать, как он любил Ирину. Отсюда вся сцена».

«К сцене «Во дворе гвоздильного дома». Надо, как это было. О нэпе и непонимании. Добавить сцену с эпизодами, чтобы усилить сомнения Ипполита и Дятлова. Идет Настя и следом господин с толстой тростью, господин с животом и господин в лаковых башмаках с замшей».

Когда задача, которую ставил перед собой драматург, не укладывалась на полях рукописи, он записывал ее на отдельных листках с указанием: к сцене такой-то...

Над «Третьей патетической» ввиду ее сложности как заключительной части трилогии драматург работал много и трудно. Закончил он пьесу только весной 1958 года и передал ее во МХАТ, который сразу же приступил к работе.

10 мая 1958 года постановщик спектакля «Третья патетическая» М. Н. Кедров выступил перед актерским коллективом с краткой аннотацией к пьесе. Актерскому коллективу пьеса понравилась, и репетиции пошли полным ходом.

Интересно отметить, что для всех актеров, занятых в сцене «На заводе», проводились обязательные посещения завода «Серп и молот».

Теперь на репетициях чувствовалась нервозность. Кое-кто пытался убедить Погодина в том, что Ленин не мог выезжать и не выезжал во время своей болезни. А драматург доказывал, что «как художник он имеет право на смещение во времени, основанное на политических и психологических мотивах, поэтому не следует искать точности в датах: когда заболел Ленин, мог ли он или не мог приехать на завод... Ведь сцена на заводе, — говорил Погодин, — не очередная, рядовая встреча с рабочими, Ленин приехал прощаться с рабочим классом».

После таких репетиций по дороге домой Николай Федорович говорил: «Беда. Забудут мне трилогию».

Но однажды он вернулся из театра возбужденный и радостный. Давно я его таким не видел. «Поздравляй меня! С «Патетической» — порядок! На репетиции сегодня были Екатерина Алексеевна Фурцева и Вальтер Ульбрихт. Он мне говорил комплименты...»

В конце декабря прошли три генеральные репетиции, а 3 января 1959 года состоялась премьера «Третьей патетической». Успех спектакля был очень большой.

22 апреля 1959 года за трилогию о Ленине Н. Погодин был удостоен Ленинской премии.

Выступая в 1960 году со статьей «Для меня самое важное», драматург писал:

«Третья патетическая», события которой происходят накануне смерти Ленина, завершила трилогию, но не завершила для меня как автора разработку ленинской темы. Образ Ленина неисчерпаем».

В 1960 году драматург дописывает к своей пьесе «Не померкнет никогда» пролог, в котором Ленин беседует с Фрунзе перед его отъездом на колчаковский фронт. Н. Погодин говорил, что ему хочется написать пьесу о современнике, в которой будет присутствовать Ленин. И действительно, в «Цветы живых» Ленин показан через развитие в жизни его идей, которые «живут, побеждают и сегодня». Ленин в этой пьесе предстает как вечный современник советского народа, строящего по его заветам коммунизм.

До конца своей жизни Погодин писал образ Ленина, ленинская тема является главной в его творчестве. В начале 1962 года драматург дал согласие студии «Лекфильм» написать на основе своей киноновеллы «Лишняя капля» («Листратов») сценарий для полнометражного художественного фильма.

И опять я видел его погруженным в изучение ленинских произведений. И снова он по-погодиински долгое время вынашивал в голове свои замыслы по сценарию, прежде чем сесть за письменный стол...

В своем письме от 13 июня 1962 года на имя заместителя начальника управления по производству фильмов драматург сообщает: «...Я обещал вам написать ленинский сценарий и я его напишу без договора, но начну работать (писать рукой) лишь в ноябре. Я его принесу вам...»

Это значит, что образ Ленина все время жил в мыслях и сердце Погодина, но «написать рукой» новое произведение о вожде ему уже было не суждено...